

УДК 330.33.01

Н.Л. Казначеева

**ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ:
ОТКУДА, КУДА И КАК**

В статье анализируется докризисное состояние российской экономики, показан стратегический вектор социально-экономического развития в посткризисный период, а также дана оценка основных направлений макроэкономической политики выхода из кризиса. Особое внимание уделено рассмотрению специфических особенностей социально-экономической ситуации в России, обусловивших усугубление проявлений глобальной рецессии в стране.

Ключевые слова: кризисная пирамида, антикризисная программа, инновационный рост.

Прошел практически год с начала острого проявления признаков мировой рецессии в экономике России. Это позволяет, с одной стороны, проанализировать докризисную ситуацию, с другой – оценить возможности долговременного социально-экономического развития.

Очевидно, что диалектическая посылка об однотипности и схожести исторического развития стран методологически тупиковая. Но в то же время российская ментальность, наши национальные особенности не распространяются столь далеко, чтобы кризисные явления у нас были особыми, русскими. Нельзя не признать, что волновой характер мировой экономической динамики, ее цикличность – это массовый и закономерный экономический факт. Кризисные периоды наблюдаются в рыночной экономике каждые 8–10 лет, в том числе и в российской. Например, наша страна только в обозримом времени пережила кризисы начала 90-х, 1998 г., последний, начавшийся в 2008 г., а следующее испытание кризисом ожидается в 2015–2016 гг.

Концептуальное обоснование заявленной проблематики заключается в следующих положениях, которые можно представить в виде логической цепочки вопросов «откуда, куда и как?», отражающих каузальные связи, характеризующие особенности экономического кризиса в России (рис. 1).

Во-первых, уникально докризисное состояние отечественной экономики. Россия оказалась вовлеченной в мировую рецессию в условиях перманентности переходного периода, незавершенности рыночных трансформаций, не достигнув органической системности, что само по себе уже обуславливает кризисную ситуацию. Поэтому только тщательный ретроспективный анализ без идеологических пристрастий, т. е. ответ на вопрос «откуда», позволяет выявить специфические истоки и проявления глобального кризиса на российской почве.

Во-вторых, самобытность и национальное самосознание всегда диктовали России собственный путь и цели развития, адекватные отечественным ценностям и традициям. Однако следует постулировать, что российские особенности не только не затрудняют, но, напротив, могут способствовать продвижению России в направлении мировых цивилизационных тенденций. Следо-

вательно, определение тренда экономической деятельности, т.е. ответ на вопрос «куда», очевиден. Бесспорно, необходимо стремительное ускоряющееся движение через преодоление экономического спада (кризиса) к экономическому росту. Однако это можно считать целью на короткий исторический период, т.е. тактической. Тогда как вопрос «куда» скорее стратегический. Глобальной целью долгосрочной геоэкономической стратегии России следует считать создание инновационной экономики, которая определяет положение любого региона в геополитической конкуренции XXI в.

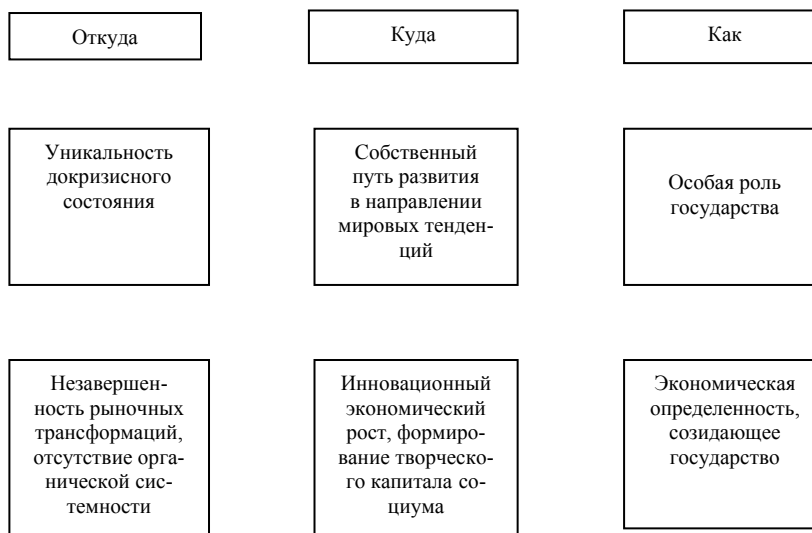

Рис. 1. Экономический кризис в России: каузальные связи

В-третьих, для российского менталитета характерно особое, сакральное отношение к государству. Именно поэтому государство выступало инициатором и главным субъектом проведения всех социально-экономических реформ. Нет оснований полагать, что нынешний период может стать исключением. Следовательно, отвечая на вопрос «как», надо было не просто определить механизм выхода из кризиса, набор мер и способов, направления макроэкономической политики, а определить свою гражданскую позицию в виде социально-классовой и экономической определенности, основанной не на либерально-утопических проектах, а на тщательной селекции зарубежной практики и идее созидательного государства.

А теперь раскроем каждое из этих трех положений.

Итак, прежде всего, важно дать реальную характеристику, экономическую и социальную, точки старта нынешнего кризиса.

Еще в 70-х гг. в нашей стране остро проявился кризис недопроизводства, когда платежеспособный спрос обгоняет производство. Прежде всего, это был кризис индустриальной модели, сложившейся в СССР в 50–60-е гг. прошлого века, которая вывела экономику на ресурсные ограничения.

Вместе с тем во второй половине 80-х гг. отмечался рост денежных доходов населения, что привело к существенным нарушениям закона денежно-

го обращения. Надо сказать, что аналогичные тенденции наблюдаются в российской экономике вплоть до настоящего времени.

Следовательно, с большой долей уверенности можно утверждать, что кризис недопроизводства не преодолен. Более того, налицо и проявления структурного кризиса, начавшегося в 80-х гг. Попытки его преодолеть предпринимались с середины 80-х гг. Осуществить это предполагалось путем перевода всего производства на условия всесторонней интенсификации на основе достижений НТП. Но провал реформ обнажил глубину структурного кризиса. Не случайно период с 1980 по 1990 г. называют десятилетием упущенных возможностей.

К тому же потенциал современного кризиса усиливался продолжающейся эксплуатацией физически и морально устаревшего оборудования, практически полным бездействием в области технического и технологического обновления и модернизации производства, а также ослаблением инвестиционного комплекса. Так, например, доля устаревших основных производственных фондов в металлургии с 2000 по 2008 г. увеличилась с 42 до 46 % [1].

А в 1991 г., когда никто даже не произносил слово «кризис», это был действительно затяжной кризис (в течение пяти лет), и происходил он во всем, начиная с политики и экономики и заканчивая наукой, идеологией, нравственностью и культурой. Вспомним хотя бы августовский путч – яркое проявление кризиса власти, кризиса государственности.

В 1992 г. в нашей экономике начались рыночные подвижки. Теперь уже понятно, что скорее неудачно, чем удачно.

Вообще наша страна много раз вступала в период переходности, да так там и застревала. И нынешний глобальный кризис застал отечественную экономику в периоде транзитивности, на этапе незавершенности рыночных трансформаций.

Финансовый кризис августа 1998 г. исключил возможность ожидаемого подъема экономики России и усугубил социальное положение большинства населения страны. Правда, после дефолта 1998 г. произошел вспышкообразный рост российского производства. Некоторые производители, в том числе и высокотехнологичной продукции, оказались вполне конкурентоспособными и вышли на европейский рынок. Однако взлет этот продолжался недолго, потому что в экономике не произошло структурных изменений.

В результате Россия оказалась в ситуации системного кризиса, представляющего собой совокупность экономического (включая финансовый), политического (включая идеологический) и социального кризисов. Главным элементом в системном кризисе является кризис российского производства.

В целом макроэкономический и институциональный векторы российских реформ привели к глубокому общему социально-экономическому кризису и, что особенно важно, к деградации социально-трудовых отношений. В результате чего жизненные силы оказались сниженными у значительной части населения. Следовательно, население вступило в мировую рецессию в состоянии «депревации», ущербности, испытываемой в ситуации недостаточности социальных условий, которые считаются социально приемлемыми.

Таким образом, период развития отечественной экономики с 70-х гг. прошлого века до 2008 г. характеризуется множеством кризисных явлений (рис. 2).

Рис. 2. Пирамида кризисного состояния экономики России за 1970–2008 гг.

Отметим еще один момент, обуславливающий специфику кризисных явлений в России. Если применить методологию кластерного анализа М. Портера, то можно увидеть эклектичность реального экономического пространства, всегда сочетающего в себе элементы прежнего, текущего и будущего своего состояния. Корректный взгляд обнаруживает, что для регионов России все докапиталистические формации, вплоть до первобытно-общинных, простираются в качестве рудиментарных укладов и вкраплений до наших дней.

В общих чертах традиционно схему развития современного мирового экономического кризиса представляют следующим образом: ипотечный кризис в США спровоцировал сентябрьский 2008 г. обвал на мировых фондовых рынках, который привел к кризису ликвидности мировых банков, обусловивший начало промышленного кризиса, а промышленный кризис может привести к глубоким социальным потрясениям.

Принципиально иную (с точностью до наоборот) теорию происхождения кризиса выдвигают некоторые отечественные экономисты (например, один из основателей Стабфонда, бывший советник президента России по экономической политике в 2000–2005 гг., президент Института экономического анализа Андрей Илларионов). Нельзя не согласиться с их позицией. Вначале был промышленный спад, вслед за которым возникли проблемы на кредитном, затем на фондовом рынках, и параллельно происходил ипотечный кризис (рис. 3).

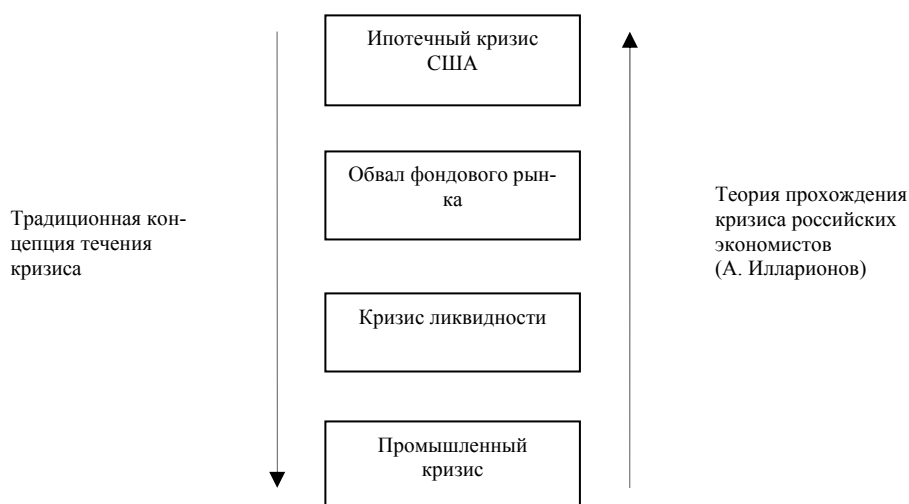

Рис. 3. Развитие мирового экономического кризиса

Именно по такой схеме развивался кризис в России. Острая фаза финансового кризиса в США и Европе прилась на конец августа – начало сентября 2008 г., в то время как промышленный спад в России начался еще в июне – июле.

А уже в январе 2009 г. индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности относительно января 2008 г. составил 87,5 %, индекс промышленного производства по СФО составил 90,4 % к январю 2008 г. и 82,1 % к декабрю 2008 г., а по Новосибирской области соответственно – 90,7 и 69,3 % [2]. Причем по скорости, стремительности нынешний спад не сопоставим ни с 98-м, ни с 94-м, ни с 92-м. По отношению к пику падения в июне 2008 г. отечественное промышленное производство упало на 13 % – подобного не наблюдалось с военного 1942 г.

Что же стало причиной столь серьезного спада? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Но можно сказать, что причиной кризиса не является. Нельзя назвать истинными причинами кризиса ни интеграцию нашей экономики в мировое сообщество, ни снижение цен на нефть (почти четырехкратное). Так, в июле 2008 г. цена на нефть составляла около 140 долл. за баррель, а в январе 2009 г. – только около 30.

В условиях кризиса реально происходит провал в обрабатывающей промышленности, в машиностроении, в химическом производстве, но нефтедобывающая промышленность сокращается более медленными темпами.

Следовательно, развитый нефтяной сектор фактически поддерживает все остальные сектора российской промышленности. Однако справедливости ради отметим, что в 2008 г. разведочного бурения практически не была, а в перспективе добыча нефти и газа будет иметь тенденцию к сокращению.

Таким образом, Россия столкнулась с ситуацией, которую можно интерпретировать как ситуацию кумулятивной рецессии, когда кризисное наследие

прошлого дает своего рода мультипликативный эффект, приумножая разрушительное воздействие текущего экономического спада. К тому же не следует сбрасывать со счетов очевидность демографического, экологического и институционального кризисов. Итак, кризисная экономика продолжает деградировать. Это уже принципиально новый кризис. Хотя циклический характер динамики экономических показателей имеет и социально-экономическую (по К. Марксу), и технико-экономическую природу (по Й. Шумпетеру), но единого идеального обоснования кризиса не существует.

Есть ли выход из сложившейся ситуации? Естественно, есть. Но в каком направлении его искать, куда двигаться?

Здесь обратим внимание на то, что объективным основанием цивилизационного развития является неостановимый научно-технический прогресс, обеспечивающий внедрение нововведений. Именно нововведения составляют пучок доминирующих компонент технологического цикла и вызывают вместе с моральным устареванием физического (вещественного) капитала разные типы экономических циклов или волн.

Так, в соответствии с концепцией Н.Д. Кондратьева с 1990 г. начался и продолжается по настоящее время пятый технологический пучок большого цикла. Нынешний среднесрочный кризис совпал с ним.

Вообще механизм длинноволновой конъюнктуры имеет природные и социальные внешние источники.

Значение природных источников неравновесия не следует преувеличивать, включая потребности в топливной нефти. Кроме того, необходимо учесть и тенденцию сокращения доли нефтегазовых доходов в ВВП России.

Отсюда возникает вопрос: может ли Россия преодолеть экономический спад за счет большей продажи нефти? Очевидно, нет. К тому же в мире начинает происходить замена нефти другими энергоносителями.

Может выручить природный газ. Если для освоения месторождений природного газа Ямала и Западной Сибири у России найдется 9–10 млрд долл., то к 2010 г. производство газа можно увеличить с 640 до 1000 млрд куб. м. Но строительство газопроводов тоже потребует дополнительных средств.

Итак, природные источники равновесия имеют значение, но далеко не решающее.

Что касается еще одного внешнего фактора неравновесия – социального, то исследователи наблюдают социальные всплески примерно каждые четверть века и приходят к выводу, что они на годы, находящиеся вблизи как от верхней, так и от нижней точки бифуркации (поворотных точек длинной волны). Итак, как образно высказался еще в конце 80-х гг. прошлого века С.М. Меншиков, кризис – это время, «когда общество меняет кожу» [3].

Следовательно, можно постулировать, что информационная стадия продуцирует новый источник экономического роста – творческие способности населения к созиданию нововведений. Следующий – шестой – технологический цикл будет целиком определяться способностью социума к созиданию новой информации, т.е. его единственным источником станет уже сейчас главенствующий инновационный капитал населения.

В силу этого происходит изменение экономической субъектности, вытесняются старые производительные классы, формируется новый социум, детерминантой развития которого становится самодовлеющая ценность человеческой личности, а субъектом информационной экономики является инноватор или когнитарий – носитель творческого капитала.

При этом безотлагательность преобразований такова, что их следует квалифицировать скорее как вызов, брошенный обществу современным глобальным кризисом. И тут уместно вспомнить замечание известного английского историка А. Тойнби о том, что «все великие цивилизации рождались как ответ на брошенный историей вызов. В противном случае они гибли».

В условиях информационной эпохи экономическая сфера как таковая утрачивает свойственную ей в рыночных условиях гипертрофию. Возникают контуры нового пострыночного экономического пространства, где функционируют знания и информация. Информационная эпоха положительно упорядочивает рынок – вот та самая новая архитектура мировой экономики, новая картина мира после кризиса.

Причем речь идет о реальной информационной экономике, а не о ее суррогатах и видимостях, не о ее превращенных формах. Пока же сквозь призму инновационной риторики совершенно очевидна приверженность прежнему курсу. По-прежнему наблюдается научно-техническая деградация российской промышленности и деградация социально-трудовых отношений. Вследствие этого нас ожидает ситуация, о которой еще предупреждал со свойственной ему образностью русский мыслитель и философ Василий Розанов: «Взяли топоры, лес вырубали, пни выкорчевали – надо бы засеять, а за поясом – одни топоры».

Итак, решающее значение для экономической динамики приобретает переход экономики на инновационный тип экономического роста. Другого пути нет.

Если же Россия полностью включится в процесс финансовой виртуальной экономики, безоговорочно примет все критерии западного постмодерна, то есть угроза, что она превратится в очень малую величину мирового глобального пространства.

Это недопустимо. Поэтому естественно возникает вопрос: что делать и как определить верный вектор макроэкономической политики, создавая условия для нового стратегического рывка, а не искажая закономерные тенденции экономического развития?

Но прежде обратим внимание на государственную политику в предшествовавшие кризису годы. Как известно, кризисы возникают с определенной периодичностью. Следовательно, их наступление можно предвидеть и готовиться к ним. К сожалению, наше правительство не предприняло никаких превентивных мер. Хотя многие экономисты предсказывали наступление кризиса и даже называли достаточно близкие к реальным сроки его начала.

У государства есть огромное количество инструментов воздействия на экономику, которые позволяют сгладить амплитуду волнообразного движения, уменьшить разрушительные последствия кризиса. Только инструменты сами не работают. Для того чтобы привести их в движение, необходимы

целесообразные субъектные действия. При этом в качестве субъектов выступают совершенно конкретные личности с определенной долей квалификации, мужества и ответственности.

Справедливости ради отметим, что наши власти в период роста мировых цен на нефть создали Стабфонд. Как декларировалось, он должен был обеспечить поддержку граждан в случае падения цен на нефть. Его накопление шло активно. Так, в 2006 г. он составлял около 2000 млрд руб., а в 2008 г. – уже около 4000 млрд руб.

Однако средства фонда практически не работали – они не использовались ни для развития реального сектора экономики, ни для пополнения финансовых ресурсов в сфере науки и образования. Хотя всем хорошо известна тривиальная экономическая аксиома, что нет более неэффективного использования денег, чем их неиспользование. При этом неприкосновенность средств объяснялась их предназначением на «черный день».

Осенью 2008 г. «черный день» настал.

И начался процесс безудержных вливаний в банковскую систему. Это привело к резкому сокращению резервного фонда: в августе 2008 г. он составлял 142,6 млрд долл., а в апреле 2009 г. – 121 млрд долл. При этом еще весной нынешнего года правительство сообщило, что резервный фонд будет полностью потрачен к 2010 г., оценивая это как положительный факт, так как он выполнил свои функции. Однако резервный фонд более необходим после кризиса, когда экономике особенно понадобятся деньги. При такой политике есть реальная угроза войти в новый виток кризиса, который запустит события, аналогичные дефолту 1998 г.

Кроме этого, в соответствии с объективными законами денежного обращения аккумулятивное накопление денег в банковской системе привело к росту цен. По расчетам экспертов продукты дорожали за каждый месяц в среднем на 4 %, а с июня 2008 г. рост цен составил уже 29,5 %.

Однако такая социальная жертва оказалась совершенно бессмысленна, так как средства из банковской системы не были перераспределены в реальное производство, а были использованы банками на их спекулятивные операции. С ноября 2008 г. по январь 2009 г. банки заработали примерно 900 млрд руб., купив валюту за счет кредитов Банка России, а потом продав ее.

Лишь только в марте 2009 г. федеральные власти представили россиянам свою антикризисную программу, содержащую семь основных направлений, которые в самом общем виде сводятся к следующим:

1. Социальная защита населения и реализация всех докризисных социальных программ.
2. Усиление промышленного и технологического потенциала, финансирование эффективных производств.
3. Развитие внутреннего совокупного спроса.
4. Переход к инновационному типу экономического роста.
5. Снижение административного давления на бизнес.
6. Нормализация функционирования финансового сектора.
7. Взвешенная бюджетная политика, поддержание обменного курса рубля.

Приоритеты были расставлены, безусловно, правильно. Это, по сути, типовые экономические задачи. Но не исключена их некорректная постановка, в результате чего задачи либо не имеют решения, либо решение будет грешить большой приблизительностью.

В контексте данного постулата попытаемся проанализировать и оценить антикризисные инициативы правительства.

Многие ведущие экономисты, эксперты отнеслись к антикризисной программе еще с момента ее принятия весьма скептически, не без оснований считая, что документ во многом носит декларативный и бессистемный характер, так как в нем излагаются либо достаточно общие тезисы, либо положения, механизм реализации которых четко не прописан. В результате чего в настоящее время стало очевидно, что не все предложенные меры выхода из кризиса оказались результативны и действенны.

Прежде всего, следует достаточно жестко констатировать, что выполнение всех ранее взятых на себя государством обязательств по социальной защите в условиях кризиса просто невозможно.

К тому же между социальной защищенностью и эффективностью деятельности предприятий существует определенное противоречие. Гипертрофированные социальные гарантии снижают прогрессивность экономического развития, приводят к социальному дрейфу и даже к общественному паразитизму. Поэтому важно определить баланс между мерами социальной защиты и государственного регулирования. Иначе будет невозможна реализация такого направления антикризисной программы, как повышение эффективности деятельности предприятий. Но именно взвешенность социальных гарантий и экономической эффективности определяет содержание социальной справедливости, адекватное условиям рецессии.

Без сомнения, существенные усилия правительство направило на преодоление неизбежных социальных последствий кризиса. Они всем хорошо известны: падение реальных доходов граждан, нарастание безработицы, уход в неоплачиваемые долгосрочные отпуска, задержки и невыплаты заработной платы и т.п.

Уровень безработицы весной 2009 г. составлял 9,5 %, а летом – 8,3 % [4]. Суммарная задолженность по заработной плате начала возрастать с августа 2008 г., тогда она составляла в РФ, по официальным данным, 2,6 млн руб., а в мае 2009 г. уже увеличилась до 7,9 млн руб. [5] (рис. 4).

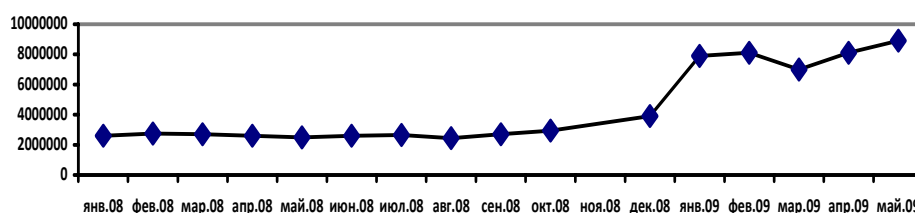

Рис. 4. Динамика просроченной задолженности по заработной плате работников (тыс. руб.)

Весьма эффективным способом повышения занятости и одновременно оживления экономики, а также фактором, делающим пособие по безработице трудовым, заработанным, являются общественные работы. Еще Дж. М. Кейнс и авторы «Нового курса» показали, что общественные работы не только сумели занять безработных во время Великой депрессии, но и через действие мультипликатора выполнили роль импульса для разворачивания совокупного спроса и развития общественного производства. Таковы исторические уроки.

Что касается мер по оказанию финансовой помощи предприятиям, работающим эффективно (выделено примерно 1500 предприятий стратегического значения), то фактически господдержка оказывается тем компаниям, чья продукция сейчас не пользуется спросом, является неконкурентоспособной. Так, правительство начало стимулировать производство отечественных автомобилей. Проведение подобной политики может привести к изменению структуры экономики, но вовсе не конструктивному. По мнению экспертов, на задворках экономики окажутся итак «лежащие на боку» отрасли машиностроения и металлургии.

Однако у данного направления антикризисной программы есть некоторый шанс стать действенным, но только при условии, если осуществляемые вливания будут эффективны, за расходованием средств будет установлен жесткий контроль и будет устранена коррупционная составляющая.

Представляется вполне целесообразным предложение правительства по стимулированию внутреннего спроса. Как известно, совокупный спрос включает в себя не только потребительский, но и инвестиционный спрос. Пока же темпы прироста инвестиций за 2008 г. снизились в 2 раза.

Возможно наращивание инвестиционного спроса через госинвестиции и госзакупки. Однако эксперты весьма неоднозначно отзываются об этой идее, поскольку не исключено оседание средств в коммерческих банках или простое разворовывание.

Довольно убедительным является опыт выхода из Великой депрессии, когда было предпринято массированное наращивание государственных закупок, что привело к созданию рабочих мест и косвенному стимулированию негосударственных инвестиций в реальный сектор. И это вывело американскую экономику из коллапса.

Наращивание же потребительского спроса ограничено спадом производства. А по данным специалистов, ВВП за кризисный год сократился на 11 %.

Кроме этого, правительство прибегло к протекционистским мерам, ограничивая ввоз импортных автомобилей. Эта мера сдерживает механизм конкуренции, а следовательно, приводит к увеличению числа неэффективных производств. Более того, подобные действия неизбежно вызывают массовые протесты граждан, вследствие чего власть начинает демонстрировать свой репрессивный потенциал.

Нельзя не оценить позитивно разработку стратегии по переходу к инновационному типу развития экономики. Итак, целеполагание есть. Очевидно, что действовавшая в России в 2004–2007 гг. экономическая модель, основанная на высоких ценах на нефть и на дешевых западных кредитах, больше не

работает и не может работать. Однако федеральные руководители так и не разработали эффективный механизм цивилизационного движения страны. Шанс на рационализацию экономики, который предоставляет кризис, фактически упускается. К тому же на мировом рынке в последнее время произошло некоторое улучшение нефтяной конъюнктуры – цена на нефть выросла примерно до 60 долл. за баррель.

Представляется, для того чтобы перейти к реальным действиям, необходимо сконцентрироваться на теоретическом и практическом решении таких проблем, как поиск новых источников и форм инновационной деятельности, расширение сфер инновационного образования, формирование у населения креативности мышления и активного интеллекта.

Ключевыми в реализации концепции инновационного экономического роста, безусловно, становятся подсистемы информационной сферы – образование и наука. Но наука сегодня вообще не востребована. А болевые точки отечественной системы образования во многом обусловлены подчас абсурдными решениями федеральных структур.

В целом же обеспечить новый стратегический рывок для России можно с помощью вполне оправданной в настоящее время оригинальной стратегии параллельного, а не последовательного регионального развития трех экономик сразу: аграрная экономика для части регионов, например, Юга Европейской России; индустриальная для Центра и Севера Европейской России; информационная экономика для некоторых регионов, например, районов Европейского ядра России – Центрального, Северо-Западного, Волго-Вятского и других, располагающих огромным научным и информационным потенциалом (рис. 5).

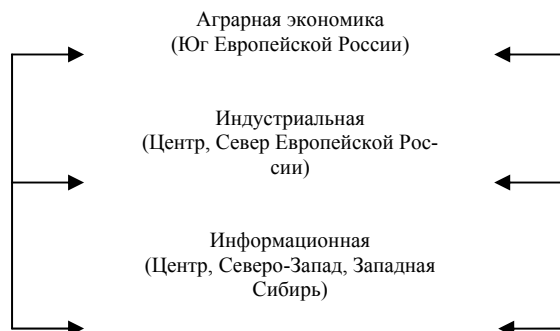

Рис. 5. Стратегия инновационного роста России

На стадии преимущественной информационной экономики находится уже и Западно-Сибирский регион, имеющий мощный интеллектуальный и научно-инновационный потенциал, а также систему действующих наукоградов и перспективы создания технопарков. Возможно, это позволит совершить своеобразное российское чудо.

Нормализовать функционирование финансового сектора, банковской системы можно только при условии самых решительных и активных действий государства по снижению банковских процентов по кредитам, вплоть до принудительного. В течение года ставка рефинансирования постоянно снижалась и сейчас составляет 10,75 %, но коммерческие банки кредитуют бизнес по-прежнему под 20 % и более. К примеру, Центральный банк Японии кредитует коммерческие банки под 0,5 % годовых, а те, в свою очередь, кредитуют бизнес под 1,5 %, в США и Европе – примерно под 2,5 %.

Таким образом, федеральные топ-менеджеры не представили действенных рычагов активизации российского предпринимательства, методов и способов освоения системы конкурентно-стратегических форм мышления и действия, а также совокупности инструментов, способствующих созданию новых конкурирующих предприятий на федеральном и региональном уровнях. И самое главное – так и не решили задачу структурной перестройки национальной экономики. Следовательно, едва ли антикризисная парадигма проявила себя как эффективная экономическая стратегия выхода из кризиса.

Надо со всей ответственностью осознавать, что процесс восстановления экономики вовсе не обречен на успех. Есть реальная угроза того, что отечественная экономика может потерять ориентиры своего долгосрочного развития. Но это во многом зависит не только от политики, но и от идеологии государства.

Единственный путь, позволяющий избежать этого, – построение модели гармоничных социальных отношений. Только на этой основе возможно сплотить нацию и сделать сильным государство. А для достижения этой цели важно не допустить обострения кризиса доверия к власти. Ведь экономический кризис обычно сопровождается особо острыми социальными потрясениями, переломами, бифуркациями и, следовательно, процессами общественной селекции.

При условии достаточности политической воли и гражданской ответственности возможно, что мобилизация творческого капитала населения не потребует больших экономических усилий, произойдет стихийно, приняв форму патриотического протеста против ситуации глобального кризиса, которая нередко воспринимается как унижительная для национального достоинства.

Кризис – это не гибель! Напротив, кризисный период – это время творческого обновления, результат которого должен сказаться через определенный временной лаг. А для этого необходимо активное общественное действие, а не псевдодействие, порождающее интеллектуально-эмоциональное лукавство. Именно это обеспечит новый стратегический рывок для России после кризиса.

Литература

1. Износ основных производственных фондов. Информация Росстата [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292 & elementId = 1237983568234
2. Индексы промышленного производства. Информация Росстата [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292 & elementId = 1237983568234

3. *Меньшиков С.М., Клименко Л.А.* Длинные волны в экономике: Когда общество меняет кожу. М., 1989.

4. Занятость и безработица. Информация Росстата [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_01/IssWWW.exe/Stg/d06/3-2.htm

5. О просроченной задолженности по заработной плате. Информация Росстата [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292 & elementId=1237983568234